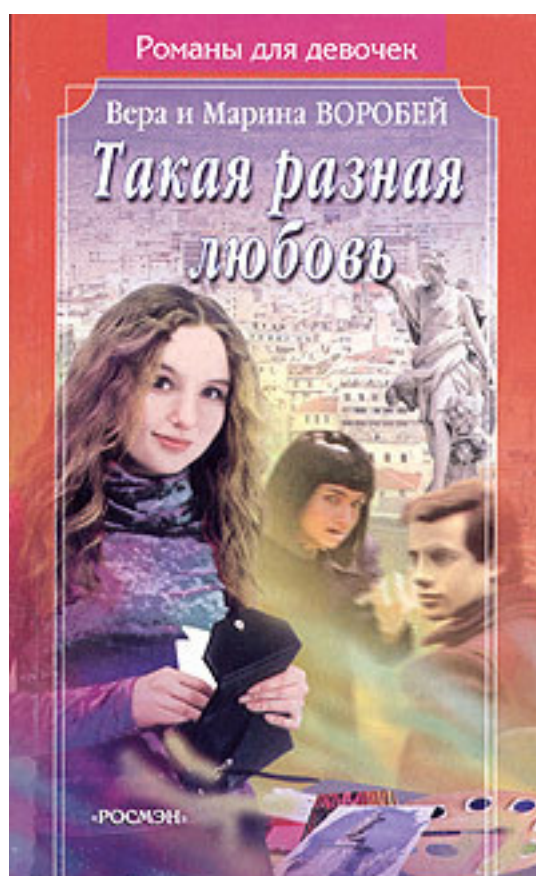

Романы для девочек

Вера и Марина ВОРОБЕЙ

Такая разная любовь

Романы для девочек

Вера и Марина Воробей

Такая разная любовь

«РОСМЭН»

Воробей В.

Такая разная любовь / В. Воробей — «Росмэн», — (Романы для девочек)

Как пережить разлуку с любимым, если он уехал учиться за границу? И как избавиться от ревности, зная, что там он встретил новых друзей и девушку по имени Сабрина. Ира Дмитриева после отъезда Ильи в Милан мучается и не находит себе места. И только благодаря тому, что ей приходится помогать Егору Тарасову, который попал в больницу, она смогла справиться с разочарованием в любви.

Содержание

1	5
2	6
3	8
4	12
5	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Вера и Марина Воробей

Такая разная любовь

1

Света и Лиза сидели в кафе, поджидая братьев Ильиных. Был субботний день. Они собирались в Киноцентр и надеялись, что на этот раз им ничто не помешает. Совсем недавно со Светой приключилась жуткая история. У нее украли статуэтку с поэтическим названием «Крылатый ветер». Работа, между прочим, знаменитого мастера Фаберже. И все это время друзьям было не до веселья. Но благодаря капитану Гаврилову, который не дремал на посту, ее удалось разыскать вовремя, то есть до того, как Светины родители вернулись из заграничной поездки.

За время поисков Света по-настоящему сдружилась с бывшими одноклассницами – Лизой, Тусей и их парнями – Кириллом и Толиком. Они очень поддерживали ее в трудную минуту. Но главной опорой для Светы стал Марк, брат-близнец Кирилла. И вот что примечательно: все, буквально все, кто не очень близко знал братьев, безбожно путали их. Света сразу могла отличить Марка от Кирилла. Стоило ему появиться поблизости, как Света ощущала, что ее словно током бьет. Когда же к ней подходил Кирилл, никаких электрических разрядов не возникало. Тут током, видно, Лизу било.

– Мама поохала-поохала, – вспоминала Света, – а потом сказала: «Сколько же ты, дочка, натерпелась, бедненькая. Я больше от тебя ни на шаг».

– Прямо как Марк.

– Вот только о Марке не надо, – смущенно выпалила она.

– Почему же? Вы с ним в последнее время как ниточка с иголочкой: куда иголочка – туда и ниточка, – подметила Лиза, поигрывая рыжеватою прядкой волос. Она прищурила свои голубые глаза: – А помнишь, в чем ты меня заверяла по телефону...

– Ой! Смотри, Ирка Дмитриева! – перебила Света, обрадовавшись своевременному появлению еще одной бывшей одноклассницы. – Давай ее к нам позовем. – Света уже приподнялась, но Лиза силой усадила ее обратно на стул:

– Ты что, не вздумай! У нее сейчас такое происходит, что лучше к ней не приставать.

– А что у нее происходит? – озабоченно спросила Света.

– Ну, ты же в курсе, что ее Илья теперь учится за границей.

– Да, знаю, что его родители пристроили в Миланский университет архитектуры или что-то в этом роде.

– Вот именно. Любовь на расстоянии. Соображаешь?

– Начинаю соображать. – Света с сочувствием взглянула на Иру у стойки бара. – Надо же, а ведь у них был такой образцово-показательный роман, вся школа замирала от восторга... Что же вы мне об этом раньше не рассказали? Мы все же с Иркой за одной партой сидели...

– А тебе до этого было?

2

Разумеется, Ира Дмитриева видела Лизу и Свету, празднично болтающих за столиком. Рыжую голову одноклассницы трудно было не заметить, так же как и счастливую улыбку, не сходящую с губ Светы Красовской. А поскольку у самой Иры настроение было скверное, она сделала вид, что не замечает знакомые лица. Зачем портить подругам вечер, если сама не в состоянии улыбаться? Ира купила апельсиновый сок, расплатилась и вышла на улицу. В руках у нее была папка с рисунками, на плече болталась увесистая сумка, впереди ее ждали три часа занятий в Школе искусств.

Шел снег. «Скоро Рождество, а там и Новый год не за горами», – подумалось Ире.

Она любила зиму, любила Новый год и всегда ждала его с нетерпением. Теперь, когда Ира повзрослела, праздник приобрел для нее иные оттенки. Ей нравился фейерверк за окном, звон хрустальных бокалов, наполненных золотистым шампанским, бой курантов на Спасской башне. Нравилось, что все люди на планете улыбаются и желают друг другу счастья. Нравилось на следующее утро проснуться раньше всех и залезть под елку за подарком. А в детстве было иначе.

В детстве она верила в Деда Мороза и в то, что порхающие снежинки передают ему просьбы ребят. Так придумали ее родители, чтобы выяснить, о каком подарке под елкой мечтает их дочка. Незадолго до праздника, когда шел снег за окном, они говорили Ире: «Пойди на кухню и громко скажи снежинкам, что ты хочешь получить в подарок от Дедушки Мороза». Доверчивая Ира громко, чтобы снежинки слышали, сообщала о кукле, которая говорит «мама» и не ест кашу, и получала именно такую куклу. А уж как она радовалась, что снежинки вовремя доставляли ее почту! Но однажды мамина сослуживица испортила чудесную сказку, и Иру постигло первое в жизни разочарование.

«Родители, что за инфантильное дитя вы из своего ребенка лепите? – возмутилась прямолинейная женщина. – Ей семь лет, она уже самостоятельная личность, пора честно признаться, откуда берутся подарки. Подарки, деточка, – доверительно сообщила она уже Ире, – дарят папа с мамой, а не кристаллики льда, которые образуются в атмосфере из мельчайших водяных капель». Ира была так потрясена этим первым уроком правды, что дословно его запомнила.

С тех пор Ира пережила не одно разочарование. Но кажется, нынешнее гораздо серьезнее всех предыдущих. А почта что ж, на нее нет смысла обижаться. Почтальон доставляет только те письма, которые пишут для таких технически не подкованных, как она.

Ира вновь вспомнила разговор с Ильей в начале щедрого на тепло сентября, когда он сообщил, что уезжает.

– Обещай, что выслушаешь меня спокойно.

– Обещаю, – пообещала Ира не раздумывая, но ведь она же не знала, чем это все обернется...

– Пойми, я же не развлекаться за бугор еду, а учиться! – твердил в сотый раз Илья.

– Не уезжай! – умоляла она в отчаянии. – Я без тебя не смогу!

– Ну что ты, Ириш! Всего-то три месяца. Я же приеду на Новый год, а потом у меня будут каникулы, в марте. Целых две недели. Мы проведем их вместе. Я ни на шаг от тебя не отойду.

– Три месяца! – Ира сейчас не могла ни о чем думать, кроме как о предстоящей разлуке. – Ты так говоришь, будто это три дня! Не уезжай, Илья, ну, пожалуйста! Разве здесь плохой институт? Ты же сам говорил, что у нас в стране отличное образование!

– Отличное! Но это же такая возможность изучать искусство там, где творил великий Микеланджело. Это ведь не обзорная поездка по Италии, от которой я отказался.

Тут Иру осенило:

– Так родители этим летом специально в Италию ездили, насчет тебя договаривались?

Илья отвел глаза:

– Да. Ну, в общем...

– Ты знал?

– Знал, конечно, но не хотел раньше времени говорить, может, ничего бы и не получилось.

– А теперь, значит, получилось? А как же я?

– Ира, ну что ты как маленькая! – Илья проявил первые признаки нетерпения, назвав ее Ирой, а не Иришей.

Девушка заплакала. Илья обреченно вздохнул, нежно прижав ее к себе.

– Я не хочу от тебя уезжать, – успокаивал он, покачивая ее в объятиях, – но так нужно, понимаешь?

– Нет, не понимаю! – Ира отчаянно замотала головой. – И никогда не пойму! Я понимаю только одно: ты меня бросаешь!..

Илья посмотрел на нее:

– Что за глупости: бросаю. – Он поморщился. – Слово-то какое... нашла. Ты же не можешь поехать со мной! Я обещаю, я буду часто звонить и писать.

– Часто? – повторила Ира, понимая, что не в ее силах остановить неизбежное.

– Как только смогу, – улыбнулся Илья своими синими, как океан, глазами. – Решено? Ты перестанешь плакать? Мы же не навеки расстанемся... – уговаривал он, как уговаривают маленьких детей.

Ира кивнула.

– Жаль, что у тебя нет компьютера, нам было бы проще общаться, – повеселел Илья. – Но ничего, на наше счастье, есть почта.

– Да, почта есть, – согласилась Ира, поспешно подставляя для поцелуя губы.

Через неделю Илья уехал, и вслед ему полетели ее письма. Вскоре в его ответных письмах стали мелькать чужие имена, незнакомые названия и жалобы на ужасную занятость. В его новой жизни появились и новые друзья – Эрик, Джильберт...

Правда, Илья часто звонил, как и обещал. Но что можно было сказать за две-три минуты разговора? Звонки из Италии стоили дорого. И молчать в трубку, когда рядом оказывались родители, было слишком накладно.

Конечно, на самом доньшке Ириногo сердечка закопошилось холодное, колющее беспокойство. В голову полезли дурацкие мысли, вроде: «Большое расстояние гасит маленькое пламя и раздувает большое». И Ира принялась считать дни до Нового года, в ожидании Ильи. Он прилетит, она его встретит, они посмотрят друг другу в глаза, и мир для нее снова станет разноцветным.

3

Ира наметила в карандаше перспективу, но медлила приступить к основной работе, как неопытный пловец, боялась войти в воду. Раньше с ней такого не случалось. Раньше она четко знала, что хочет увидеть на листе, и понимала, что из этого получится. Надо сказать, что рисунки с натуры у многих ребят в группе выходили гораздо лучше, чем у нее, но зато ей не было равных в работах, сделанных «по памяти и по воображению», – так назывались работы по композиции.

Сегодня ее любимая свободная тема, а она не может сосредоточиться. Разозлившись на себя, Ира решительно принялась дрожащей от нетерпения рукой наносить на ватман линии задуманного рисунка. Бок о бок с ней в полном молчании трудилось еще человек десять учеников от тринадцати до шестнадцати лет. Их всех Алла Генриховна считала талантливыми. Все старательно доказывали это, уверенными движениями растушевывая красивые тени на своих мольбертах.

В Школе искусств Ира оказалась случайно. Прочитала объявление, пришла к преподавательнице Алле Генриховне, показала свои работы, и та предложила ей посещать ее студию по вечерам. Она сказала Ире: «Воображение у тебя великолепное, надо его развивать». Но обучение было платное. И тогда Ира решила поработать летом, чтобы не вводить в непредвиденные расходы родителей. Она видела: деньги давались им не даром. Здесь ей помог Илья: нашел для них обоих работу в экспресс-кафе. Сам он никогда не нуждался в деньгах и пошел торговать сосисками ради Иры, чтобы у нее появилась возможность серьезно заниматься рисунком, а потом стать, как и он, архитектором.

Всех ее подруг этот поступок восхитил. «У тебя появился рыцарь без страха и упрека в сверкающих доспехах», – говорили они. Ира не возражала. Илья был необыкновенным парнем, ей невероятно повезло, что однажды он выбрал ее, отнюдь не красавицу.

Было время, когда Ира всерьез переживала по поводу своей заурядной внешности. Но однажды она вдруг поняла прописную истину, без конца приводимую в журналах и умных книжках: надо любить себя такой, какая ты есть, – в этом залог счастья, успеха и душевного спокойствия. И тогда она внушила себе, нет, не внушила, а приняла как аксиому, что, если природа создала ее именно такой, какой она видит себя в зеркале, значит, в этом и был ее великий замысел. С тех пор все изменилось. Ее даже перестала волновать грустившая «р». Она решила, что в этом есть неповторимый шарм. Но она до сих пор не могла понять: что привлекательного нашел в ней Илья?

...Ира увлеклась тенями, сменив карандаш на более твердый. Где-то в стороне она улавливала посторонние шорохи, звуки, слышала, как Алла Генриховна подходит к другим ученикам, дает советы, что-то поправляет.

– Ты не подумала, как эта линия поведет себя дальше?.. – внезапно раздалось над ее ухом. – Приглядишься, она же у тебя за горизонт выходит, а где пространство движений, которое ты так любишь?.. Что с тобой, Ирочка? – обеспокоенно всплеснула руками Алла Генриховна, наклонившись к ее мольберту.

Ира разнервничалась. Теперь она и сама видела, что все не так. Илья руководил всеми ее мыслями, не рисунок, не фантазия, а он... Она потянулась к листу, чтобы сорвать его и начать заново.

– Ну вот, только этого мне не хватало! – удержала ее преподавательница, а потом внимательно присмотрелась к ней: – У тебя неприятности?

Ира неопределенно пожала плечами. У кого их сейчас нет, этих неприятностей?

– Попробуй исправить эскиз, у тебя еще есть время.

После занятий Алла Генриховна задержала Иру. Закурив одну из своих длинных сигарет в мундштуке, она спросила:

– Откуда такая непозволительная рассеянность в последнее время, Ирочка?

Девушка засмушалась, покраснела.

– Мне иногда хочется все бросить, – вырвалось у нее. – Кажется, все не так и не то. И что из меня никогда не выйдет толку!

Алла Генриховна усмехнулась:

– Знакомое чувство, девочка моя. Это муки творчества. Самые прекрасные муки на свете после мук любви.

Ира незаметно покосилась на Аллу Генриховну – догадалась.

– А вообще-то, помни, в будущем пригодится: «Сомнение – это вечный спутник таланта, а самоуверенность – всего лишь попутчик посредственности». И то, что ты сомневалась, – это на самом деле замечательно. Без этого мятежного состояния души никогда ничего путного не получится. Но только не нужно забывать о воле. «Сильные волей не колеблются. Они обливаются потом, но доводят дело до конца!» – сказал один писатель по имени Жюль Ренар. Вот ты сегодня довела дело до конца, и твой закат, и твой самолет, уносящийся вдаль, оказались прекрасным воплощением твоих мыслей и чувств. Кстати, ты не передумала насчет архитектурного? У тебя хорошие шансы поступить в полиграфический, во ВГИК, в анимационную школу. Как видишь, выбор большой.

– У меня еще много времени, чтобы принять решение, – откликнулась Ира, довольная тем, что ее старания не остались незамеченными. – Я недавно слышала, что есть такое направление – архитектурная живопись. Мне показалось, это интересно.

– Что ж, – задумчиво отозвалась Алла Генриховна, поглядывая на мерцающий огонек сигареты. – Очень может быть. Ну, иди, девочка, уже поздно.

Ира пришла домой в начале девятого.

– Дочка, пляши! – выбежала ей навстречу сияющая мама, помахивая прямоугольным конвертом.

Ира взвизгнула, выхватила письмо и бросилась в свою комнату.

– Разденься, глупая! – крикнула мама, отправляясь на кухню греть ужин.

Ира сбросила на бегу куртку, шапку, нетерпеливо вскрыла конверт. Сердце трепыхалось, как крылья бабочки. Из конверта выпала фотография. Ира подняла, посмотрела и обмерла. На снимке был Илья, но не один. С одной стороны от него стоял невысокий темноволосый парень в яркой спортивной куртке, за ним блондин, а с другой стороны, в непозволительной близости от Ильи, стояла симпатичная темноволосая девушка с длинными волнистыми волосами. Она улыбалась Илье, он улыбался в объектив и, кажется, не замечал ее улыбки.

Ира развернула листок, испещренный ровным почерком.

«Привет, Ириш! Извини, что задержался с ответом, сама понимаешь, скоро сессия, дел по горло. Я ведь к тому же не очень хорошо говорю на итальянском, приходится дополнительно заниматься. Кажется, я об этом писал? Но не грех напомнить еще раз, чтобы ты не обижалась. Зато это письмо ты получишь с опережением. Один знакомый парень летит в Москву, и я попросил его поработать почтальоном.

Как у тебя там дела? Как успехи в школе? В Школе искусств? Ответь заодно на вопрос, когда наберешься храбрости и начнешь осваивать Интернет? И вообще, что в Москве новенького? Какие фильмы смотришь? У нас тут все стонут по Ричарду Гиру в „Чикаго“. Да, в последнем письме ты писала о Ваниной родной маме, как она нашлась и как вы все ему в этом помогали. Удивительная история, я тобой горжусь. Я рассказал ее Эрику и его сестре Сабрине (кстати, на фотографии именно они), друзья зовут ее Саби, она собирается стать программистом. Впрочем, кажется, я об этом тоже как-то упоминал.

Ты просила прислать тебе фотографию, где я с друзьями. Мне кажется, что здесь мы все удачно получились. Да, блондин – это Джильберт. Так... я опять отвлекся, в общем, когда я рассказывал Саби эту душещипательную историю о Волкове, она так восхищалась широтой русской души, так рыдала, что промочила всю мою рубашку. Пришлось успокаивать, вести в кафе и угощать мороженым.

Теперь о главном. На прошлой неделе я вместе с родителями любовался Везувием и Помпеей. Знаешь, это трудно описать словами, но я попробую. Во-первых, немножко истории. Этот легендарный город был открыт случайно в начале восемнадцатого века. Представляешь, строители прокладывали новый водопровод и наткнулись на развалины Помпеи и даже нашли надписи, подтверждающие это событие. Но никто тогда не подумал связать их с историей малоизвестного курортного города с двадцатитысячным населением. Ученые решили, что они посвящены римскому полководцу Помпею, ну а когда разобрались, что к чему, начался настоящий археологический бум. Помнишь картину Карла Брюллова „Последний день Помпеи“? Он написал ее после того, как побывал здесь вместе со своей любимой женщиной – графиней Юлией Самойловой.

Между прочим, жители Помпеи поклонялись всевозможным богам, но среди них главенствуют боги, покровительствующие любви! Во время раскопок было найдено столько серебряных и бронзовых статуэток, изображающих богиню любви Венеру и бога сладострастия Приапа, что трудно предположить что-либо иное!

Честно признаюсь, Помпея меня поразила в самое сердце. Я собственными глазами увидел улочки, очищенные от восьмиметрового слоя пепла. Каменные колодцы со следами врезавшихся в стенки веревок. Лавки, где лежали товары с указанными на них ценами. Полуразвалившиеся стены с сохранившимися на них надписями. На одной из них я прочитал: „Salve Lucum“ – „Привет, Прибыль“, на другой: „Cave canem“ – „Берегись собаки“. Попадались и другие надписи, зачастую любовного содержания. Знаешь, краски на них были так свежи, будто их сделали вчера. Да! Легко поверить, что этот солнечный город был наполнен жизнью, радостью, любовью! Он мирно соседствовал с исполином вулканом, кутившимся в синеющей дымке тумана. И все это великолепие погребло в одночасье под горами камней, лавы и пепла.

Что же касается Везувия, то старикан, натворивший столько бед, не произвел на меня такого уж грандиозного впечатления. Сегодня он мирно спит в своем величии. Я прислал тебе несколько рисунков из этой поездки, как только приедем.

Может, и ты вышлешь парочку своих набросков? Интересно, как далеко вы с Аллой Генриховной продвинулись?

И еще! Ириш! У меня потрясающая новость, вот только не знаю, как ты к ней отнесешься. Родители Эрика пригласили меня встретить Рождество и Новый год с ними в Швейцарских Альпах! Кто бы мог предположить, что появится такая уникальная возможность! У них там на одном из склонов собственный дом. Но я пока не дал ответа. Нет смысла скрывать, что мне бы очень хотелось побывать в Швейцарии и погонять по склонам, ты же знаешь мое увлечение горными лыжами. Но тут есть одно „но“... Я обещал тебе, что проведу Новый год в Москве, с тобой. А я не привык нарушать свои обещания. Теперь все зависит от тебя. Как ты решишь, так и будет.

...Перечитал и ужаснулся: сумбурное какое-то письмо получилось, но надеюсь, ты все правильно поймешь. Целую, жду писем. *Илья*».

Ира взглянула на фотографию, на эту Саби новыми глазами. «И почему ты так ему улыбаешься? – спросила она безмолвное изображение и внезапно сообразила: – А ведь она тоже поедет в эти Альпы! Родители Эрика – это ведь и ее родители. Так... Когда Илья писал об этой Сабрине? И главное – что?»

Ира дернула дверцу секретера, пересмотрела все письма Ильи.

Как же она проворонила... А... вот и об этой Саби: «... Смешная девчонка, чем-то напомнила мне тебя. (Этого еще не хватало!) Увидела твою фотографию на моем столе, – читала Ира, проглатывая слова, – спросила: „Кто это? Твоя сестра?“ Я ответил: „Нет, это моя девушка!“ А она рассмеялась и сказала, что я ее разыгрываю, что ты слишком молода, чтобы быть чьей-нибудь девушкой... Тут, прямо скажу, я почувствовал себя не в своей тарелке...»

Ира уставилась в окно невидящим взглядом. Почему это не в своей тарелке?

– Ирочка, иди мой руки, скоро папа придет с дежурства, будем ужинать. – Мама заглянула в комнату: – Ты что, расстроена? Из-за письма?

Ира смахнула ладонью слезу:

– Илья написал, что не сможет приехать на Новый год, – сказала она, убирая фотографию в конверт. И только сейчас обратила внимание, что на нем нет привычных марок и печатей.

– Да... ну... что ж... в общем-то... в этом ничего страшного нет... я испугалась, что у него какие-то неприятности, что-то ужасное произошло... – Растерянная мама пыталась выразиться потактичнее, боясь окончательно расстроить Иру. Она присела рядом, сложила руки на коленях. – Он будет отмечать праздник с родителями в Италии? – осторожно уточнила она.

– Нет. Он едет в Швейцарию с друзьями, – ответила Ира. – Мам, ну как так можно?! – сорвалась она на крик. – А еще говорят, что для любви не существует ни времени, ни расстояний!

– Тихо, тихо! – Мама прижала ее к себе, стала гладить по спине. – Успокойся! Я понимаю, тебе обидно, но слезы здесь не помогут.

– Что же мне делать? – спросила сквозь рыдания Ира.

– Ну, во-первых, перестать плакать. Во-вторых, сказать себе: Илья сделал свой выбор, и я должна его принять, нравится мне это или нет. А любовь, Ирочка, – последовал вздох, и Ира уловила легкое пожатие плечами, – любовь – она ведь бывает разная. Если ты представляешь ее себе как волшебную сказку, ты всегда будешь немножко разочарована.

4

Утром Ира проснулась от звонка, тихой возни и переговоров в коридоре.

– К тебе Анюта пришла, – сообщила мама излишне бодро. – Раздевается.

Ира повернула будильник, взглянула на стрелки. Полдвенадцатого! Нормальное время, если учесть, что заснула она не раньше двух часов ночи.

– Ты заболела? – уточнила Аня, встревоженная видом Ирины в постели.

– Просто ленюсь. – Ира отбросила спутанные длинные волосы за плечи. В последнее время они ее стали раздражать, и она все чаще подумывала о короткой стрижке.

– Нет, что-то не так. – Аня подозрительно прищурила глаза.

Обмануть Малышеву, подругу детства, было практически невозможно. Ира и не пыталась.

– Илья письмо прислал. – Она потянулась к тумбочке, подала Ане конверт: – На, прочти.

– Доверяешь?

– Выбора нет. Ты же все равно не отстанешь, пока все не выяснишь. А я пока умоюсь и приведу себя в божеский вид.

– А это возможно?

– В жизни нет ничего невозможного. Если очень захотеть, можно в космос полететь.

– Ну-ну.

Ира поднялась, натянула халат, влезла в тапочки и пошла в ванную. Зеркало подсказало ей, почему Аня так упорно сомневалась. Да! Ну и вид!

– Красиво зубы заговаривает! – констатировала Аня, прочитав послание Ильи от корки до корки. – Сессия у него на носу, извини за молчание, а на Везувий нашел время съездить, и во-о-ще...

– Ну, это ты зря. – Ира стянула волосы в хвост заколкой. – Я бы тоже нашла время на такую поездку.

– Я – зря?! – прямо-таки взвилась Анька. – Блаженная ты, Ирка, какая-то! А ты спросила себя: откуда у этой Саби такая душевная чуткость выискалась, что она вся обрыдалась ему в рубашку?

– Полночи спрашивала, – призналась Ира. – И решила, что, если он так откровенно пишет об этом, значит, она ничего для него не значит.

– А ты значишь? Если он... Ой, прости! – Аня бросилась к Ире и умоляюще заглянула ей в глаза. – Дурочка я, Ир! Ну, дурочка и есть!

– Чего там... – Ира махнула рукой, в которой был конверт. – Я – блаженная, ты – дурочка, прямо парочка убогих подружек, по которым богадельня плачет. Но знаешь, Малышева, ты в целом права, – расстроено призналась она. – Что-то у нас с Ильей изменилось, и я никак не могу понять: что? Вчера перечитала его письма, кажется, все как прежде: «Ириш, целую, жду ответа», и все равно что-то не так.

– Ну, дела... – Пухленькие губы скептически поджались. Аня задумчиво помолчала, но, видно, эта волнующая тема не давала ей покоя. – Ир, а вы с Ильей о чувствах когда-нибудь говорили?

– Было пару раз – абстрактно.

– Как это абстрактно?

– Ну, когда об искусстве речь заходила. О Родене, к примеру, – пояснила Ира, заметив недоумение на Анином круглом личике. – В него была влюблена талантливая молодая скульпторша Камилла Клодель. Она посвятила ему более десяти лет жизни, вдохновляла его, помогала во всем. С ней Роден создал свои лучшие работы, добился славы, но так и не смог понять, какой щедрый подарок сделала ему судьба. Он боготворил только искусство.

– А что было потом? – проявила живейший интерес к рассказу Аня.

– Потом они расстались, он женился на другой женщине, от которой у него был сын и перед которой у него были обязательства, а Камилла сошла с ума и много-много лет провела в сумасшедшем доме. – Ира печально улыбнулась. – Представляешь, Роден уже умер, а она разговаривала с ним, как с живым. До последнего своего вздоха то упрекала, то умоляла вернуться к ней.

– Ужас какой-то. Что это за любовь такая... жестокая?

– Вот и я Илье так сказала, а он ответил, что иногда любовь убивает сильнее ненависти.

Ира присела к столу, подвинула лист белой бумаги, всегда лежащий наготове, принялась водить карандашом. Мгновенно увлеклась. На листе стали появляться знакомые черты.

Аня присмотрелась к рисунку: Илья!..

– Странно все это как-то, – сказала она, подперев голову рукой. – Вас вокруг считали идеальной парой, а вы о любви ни разу не говорили. И даже когда он улетал в Италию, ни намека, ни полсловечка? – выпрашивала она.

Ира укоризненно оглянулась на подругу.

– Ань, мы с Ильей знакомы всего ничего...

– Ну и что, – перебила Аня, выпрямилась и наивно заметила: – Мне вот Ваня меньше чем через месяц в любви признался. Сказал, что он в меня с первого взгляда влюбился, только не сразу понял это, на Светкину модельную внешность польстился.

Аня не относилась к числу писаных красавиц, как говорится, от правды никуда не денешься. Ей не нравилась щербинка между передними зубами, круглое простоватое лицо с неизменным здоровым румянцем. Но больше всего подруга страдала из-за того, что слишком легко набирала вес. Только взглянет на пирожное и уже чувствует, что поправляется. Из-за этого Аня совершенно отказалась от мучного и любимого шоколада. А в последнее время, когда она еще и диетами увлеклась, Ваня не на шутку заволновался и предупредил, что, если она станет бледной и худой, он ее сразу же разлюбит.

– Любовь – она ведь у всех разная, – сказала Ира, чуть-чуть завидуя простоте отношений близких друзей. – Вы вон уже и пожениться решили, вся школа ждет не дожидается этого события.

– И поженемся, дай только время, – с невозмутимой уверенностью заявила Аня и, взглянув неодобрительно на изображение Ильи, спросила:

– Что собираешься ему ответить?

– А что я могу ответить? – Ира грустно улыбнулась, вспомнив вчерашний разговор с мамой. – Пожелаю веселых праздников.

– Правильно! – горячо поддержала Аня. – Мы здесь и без него отлично отпразднуем, у меня соберемся, а он пусть катится в свои Альпы.

– Едет, – поправила Ира.

– Ну едет, какая разница!

Дверь осторожно приоткрылась.

– Девочки, – позвала мама, – идите завтракать. Я блинчики твои любимые испекла, Ирочка, с джемом и творогом.

Дверь так же осторожно прикрылась.

– Видишь, как мамочка переживает?

– Вижу. – Аня озабоченно покачала головой. – Идем, что ли, блинчики есть?

– Ты же на диете, – напомнила Ира, поднимаясь.

– Только не сегодня!

Поздно вечером раздался телефонный звонок.

– Ириш, это я, – сказал Илья. – Слушай, у меня всего трехминутная карточка, так что не перебивай. Я послал тебе на днях письмо с однокурсником, но потом понял, что это как-то неправильно, что я тебе в письме... – сбивчиво объяснял он, – как трус какой-то...

– Я вчера его получила.

– Черт! Шустрый парень Айвар! Ну раз так, значит, ты уже знаешь, о чем речь. Не придется объяснять...

– Да, не придется.

– Ириш, ты мне прямо скажи: как ты к этому относишься? – У Иры упало сердце... – Ириш!

– Я здесь. – Ира собрала все свои силы в кулак.

Она должна справиться с этим.

Она сможет справиться с этим.

Она не даст Илье ни малейшего повода заподозрить, как это письмо ее расстроило.

– Положительно отношусь.

– Точно? Ты согласна? – переспросил Илья с сомнением и надеждой.

– Разве можно упускать такой счастливый случай. Альпы, солнце, лыжи!

– Ириш! Ты – человек! Ты просто не знаешь... – Илья зашелся от восторга. – У меня просто глыба каменная с души свалилась!.. Ты правда не обиделась?

Что можно ответить на такой наивный вопрос?

– Правда!

– Но я тебе голову на отсечение даю, каникулы я в Москве, с тобой!

– А как же! – поддакнула Ира.

– Ириш, может быть, ты хочешь что-нибудь особенное под елку? Ты скажи, я пришлю.

«Тебя! – беззвучно кричала Ира. – Упакуй себя в цветную оберточную бумагу, перевяжи бантиком и пришли!»

– Ир, ты что молчишь? Время кончается, – напомнил Илья нетерпеливо.

– Придумать ничего не могу.

– Тогда я сам, хорошо?

– Да, так будет лучше. Выбери сам... Илья?!

– Да?

– Ты там поаккуратнее на склонах, и от лавин подальше держись, – предупредила она.

Илья беспечно рассмеялся:

– Не волн... – Связь оборвалась на полуслове.

«Вот и все!» – подумала Ира. Эта фраза больно отозвалась в сердце, но именно она лучше всего отражала Ирины чувства, разрушая последние надежды на счастливый Новый год. Вот уже второй Новый год подряд у нее все идет кувырком, словно кто-то сглазил ее и ее любимый праздник.

Ира не стала возвращаться в гостиную, где до этого вместе с родителями смотрела телевизор. Ей не хотелось ни с кем говорить, никого видеть. Она закрылась в своей комнате, разделась, легла в кровать, а когда папа заглянул к ней, притворилась, что спит. Ира была уверена, что ей предстоит бессонная ночь, но, видно, она так устала душой за эти дни, что случилось чудо: ее веки налились свинцом, и вскоре она уже брела по дорожкам царства Морфея.

5

– Кукушкина, задерни-ка шторы на последних двух окнах!

– Йес!

– Ништяк!

– Кайф!

Ира поморгала глазами, ожила от криков и поняла, что наступил пятый, последний урок. Физику в 9 «Б» вела завуч – Кошка, если правильно, то Кошкина Людмила Сергеевна, во всех отношениях строгая дама. Класс сидел в лабораторной, и раз потребовалось затемнение, значит, Кошка задумала продемонстрировать им научный опыт.

«Какое-никакое, а все-таки развлечение», – подумала Ира, наблюдая, как Лиза Кукушкина задерживает черные плотные шторы.

– Людмила Сергеевна, а музыка будет? – хитровато полюбопытствовал Колька Ежов с камчатки, где, как известно, сидят хулиганы и бездельники.

– Ох и получит он от Юльки, – шепнул Ире Максим Елкин, который стал ее соседом по парте после того, как Света Красовская перевелась в лицей.

Ира не успела отреагировать на его слова, раздался возмущенный крик Тани Говоровой:

– Ой! Людмила Сергеевна, а чего Савушкин щиплется!

Димка Савушкин, видно, воспользовался соблазнительным полумраком, но признаваться в этом не собирался:

– Чего-чего? Кто щиплется? Это ты желаемое за действительное принимаешь!

Парни, разумеется, заржали из солидарности.

– Тихо вы, молекулы! – прикрикнула Людмила Сергеевна, восстанавливая относительную тишину в классе. Она возилась с каким-то сложным приспособлением у себя на столе и поэтому утратила бдительность. – Под два метра вымахали, а ведете себя, как дети.

– Ты смотри, – зашептала теперь Ира Максиму, – добрее прямо на глазах, совсем по-человечески с нами заговорила. Как думаешь, почему?

– Потому что Андрей Иванович стал чаще ездить на метро, чем на троллейбусе, – отозвался наблюдательный отличник Максим.

Да, вероятно, согласилась Ира. Всей школе было известно, что у завуча и преподавателя ОБЖ развивается головокружительный роман. Раньше бывший полковник, выходя из школы, ехал домой на троллейбусе, Кошка – на метро. Ну а поскольку никакого официального обмена квартиры он не совершал, вывод напрашивался сам собой. А вообще-то, смешно было наблюдать, как взрослые люди поодиночке пробираются в школу и здороваются так, как будто утром не пили вместе кофе.

Пока Ира лениво размышляла над этим, на столе у Людмилы Сергеевны появилась устойчивая конструкция метровой высоты в виде буквы «Г». На ее вертикальной поверхности снизу красовался магнит, рядом кнопка. К магниту намертво прилип стальной, окрашенный в белый цвет шарик. Но это еще не все. Позади этой сложной конструкции располагалась черная доска, разграфленная белыми вертикальными и горизонтальными линиями. Она составляла единое целое с композицией.

– Вот это да! – восхитился Борька Шустов.

С некоторых пор он почувствовал неодолимую тягу к физике. Однажды притащил в класс «перпетуум-мобиле» собственного изобретения. Никакой, естественно, вечный двигатель ему не удалось изобрести с помощью доисторического мазута, но шуму в тот день, когда он задумал продемонстрировать свое детище, было много.

– Так, а сейчас мы с вами попробуем определить величину земного ускорения, – сообщила Людмила Сергеевна, бросив предупреждающий взгляд на Борьку: мол, уймись, моя

головная боль. – Это можно сделать по-разному. Например, по периоду колебания маятника в поле земного тяготения. Но мы воспользуемся прямым измерением. Напоминаю, что стробоскоп синхронизирован с электромагнитом. Для чего это сделано, Максим?

Двухметровый Елкин встал:

– Думаю, для того, чтобы определить точку начала отсчета времени.

– Правильно. Садись.

Двухметровый Елкин сел, и полкласса с уважением посмотрели на него.

– Также вам нужно знать, что частота стробоскопа равна десяти герцам, то есть мы будем освещать падающий шарик вспышками света десять раз в секунду. Мне понадобятся помощники.

– Один из них – я! – заявил Борька с места.

– Шустов, я еще никак в себя не приду после прошлого раза. Дай мне передохнуть! – снизошла до просьбы Людмила Сергеевна.

Борька был безжалостен.

– Эх, Людмила Сергеевна, вы во мне лучшие ростки на корню губите. Может, из меня еще один Эйнштейн получится через десяток лет. Он, между прочим, тоже в школе с двойки на тройку перебивался, а в один прекрасный день сел за стол, обхватил голову руками, вот так, – Борька продемонстрировал как, – и теорию относительности придумал.

– Ты умеешь быть убедительным, когда хочешь, – сдалась впечатлительная Кошка. – Иди, Шустов. Доверяю тебе подвешивать шарик к магниту.

Опыт обещал превратиться в настоящее зрелище! Шустов чуть ли не побежал к доске. Метелкин чисто по-дружески подставил ему подножку. Борька споткнулся, но устоял, а Юрка получил подзатыльник, тоже по-дружески.

Кошка этого не заметила. Она возилась с прожектором со стробоскопическим эффектом. Проще говоря, с прибором, который мигал с определенной частотой, в данном случае – десять герц.

– Поскольку наша школа не имеет богатых спонсоров, которые могли бы подарить нам видеокамеры и компьютеры, мы пойдем простым путем, – сообщила завуч. – Объясняю технику предстоящего опыта. Шарик будет падать вниз так часто, как нам это понадобится. Этим займется Боря. Он будет включать магнит и подвешивать шарик для следующего измерения. А один из вас станет фиксировать мелом на доске положение падающего шарика в определенные моменты времени. Здесь нужен точный глаз.

– Ирка Дмитриева, – подсказали Кошке девочки. – У нее глаз художника, точнее не придумаешь.

– Согласна.

Ира пошла к доске, взяла мел, встала так, чтобы ей были видны доска и шарик.

Проще простого: шарик падает в мерцающем свете, Борька его снова подвешивает, а ты отмечаешь на доске точку за точкой. И в конце концов они дружно определяют величину земного ускорения.

Они уложились точно в срок, со звоном. Кошка ушла, все повскакали с мест. Стали запикивать тетрадки в рюкзаки, сумки, галдя не переставая, и тут услышали:

– Никто никуда не уходит!

В классе недовольно заворчали: опять штучки старосты. Юля не придавала этому никакого значения. Она подошла к учительскому столу, а Марина для большей убедительности загорючилась дверью. Сводных сестер и подруг одноклассники называли АББА. Одна из них – Юля – была блондинкой, другая – Марина – брюнеткой. Юля к тому же была отличницей и бессменной старостой.

Аня, переглянувшись сначала с Ваней, потом с Ирой, сморщила нос, выражая недовольство. Ира знала, что парочка спешила на ВВЦ за новым плеером для Ани. Лиза с Тусей

послушно заняли свои места, но было заметно, что дай им только волю – и их тут же ветром сдует. Что уж говорить о парнях! Те ерзали на стульях, как на россыпи кнопок.

– Ну давай, паркуйся скорее, Туполева! – прикрикнул на Юльку Димка Савушкин.

– Сова, ты потише! – предупредил лопоухий Колька, усаживаясь на парту верхом.

Перекрывая шум голосов, Юлька прямо спросила:

– У вас совесть есть?

– А в чем проблемы? – отозвался Максим, считающий себя совестливым человеком.

– В том! – отрезала Юлька. – Вы все в курсе, что Федор Степанович в больнице. Так?

– Так.

– Все старшие классы директора уже навестили, кроме нас. Бледно выглядим!

– А может, мы самые сострадательные в этом смысле. Человек болеет, а к нему толпа визитеров косяком валит, – рассудил Юрка Метелкин.

– А Людмила Сергеевна говорит, что он уже идет на поправку и очень рад, когда к нему приходят ученики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.